

Не дожидаясь, пока придут реставраторы

О. Н. Любченко,
журналист

В Калужской области, богатой разнообразными памятниками истории и культуры, сохранилось немало старых парков. Среди них прекрасные образцы садового искусства. Они были созданы большей частью в крупных усадьбах, в числе владельцев которых были представители прославленных аристократических фамилий: графы Воронцовы, Бутурлины, князя Голицыны, Волконские, Оболенские. Находим здесь и княгиню Е. Р. Дашкову, «главу двух академий», и известных фабрикантов Гончаровых, с которыми породнился А. С. Пушкин, и таких деятелей, как Полторацкий, оставившие след в разных областях русской культуры. В калужских имениях они проводили летние месяцы или жили постоянно и возводили, обустраивали свои резиденции с размахом, вкусом, нередко приглашали видных архитекторов. Парки, в которых слились воедино мягкая красота природы Калужского края и мастерство их создателей, и поныне, уже сильно пострадавшие, запущенные, не утратили своего обаяния и ценности как художественные произведения.

О наиболее интересных из этих парков, о проблемах, возникающих в связи с задачей их сохранения, мы расскажем в нашей очерке.

* * *

Первой среди калужских усадеб следует назвать Полотняный Завод. Здесь ступала нога величайшего поэта России, дважды — в 1830 и 1834 гг. — ее посетившего и любившего ее прекрасные парки. На нем мы остановимся дольше.

Расцвет Полотняного приходится на конец XVIII — начало XIX столетия. В то время им владел внук основателя усадьбы и фактически всего дела — парусной и бумажной фабрик — Афанасий Николаевич Гончаров. Ему суждено было сыграть роковую роль в судьбе семьи. Своим безудержным мотовством он довел ее до грани разорения и, приняв богатейшее, процветающее имение, оставил после себя полтора-миллионный долг. Его любимая внучка Наталья Николаевна была выдана за Пушкина, по существу, бесприданницей. Но именно А. Н. Гончаров, с его постоянным стремлением к роскоши и блеску, и придает Полотняному наибольшее величие.

Гончаровы всего строили помногу. Имея огромный трехэтажный каменный дом, где только в верхних жилых этажах было 45 комнат, они сооружают еще два деревянных: один

Окрестности
Полотняного
Завода

двухэтажный, так называемый Летний, или Красный, на 12 комнат и второй, одноэтажный, на 5. Были два флигеля, бесчисленные хозяйственные постройки: конюшни, сараи, погреб, теплицы, внушительных размеров каменная оранжерея.

И парков создается целых три.

Сохранился любопытный документ, из которого мы узнаем, что они представляли из себя во время, довольно близкое к тому, когда Полотнянный посещал Пушкин. В 1824 г. приводилось описание имени Гончаровых. Это был уже последний период хозяйничания Афанасия Николаевича, которое так дорого обошлось его семье. Документ носит выразительное название «Дело об учинении дознания о фабриках надворного советника Афанасия Гончарова, в каком оно положении».

Возле Летнего дома, как указывается в «Деле», разместился парадный Красный сад. Он описывается со всеми подробностями. В одну сторону от дома уходила аллея из четырех рядов стриженных лип. За регулярным участком находился другой, со свободной планировкой. По нему как бы естественно разбежались дорожки. Они огибали цветники, выводили к беседкам. Посредине был сооружен холмик-улитка. По его склонам поднималась обсаженная акацией тропинка, а на вершине стояла «китайская» беседка.

С другой стороны перед домом разбили цветники. От них парк спускался к пруду, который был «фигурою покоем», со свежей

ливался в Красном доме и постоянно имел перед глазами его парк, «общался» с ним. К сожалению, и парк, и дом, вся эта часть усадьбы, были потом уничтожены владельцами Полотняного.

Несомненно, поэт посещал и другой парк, находившийся совсем рядом, за Суходревом, и называвшийся тогда Заречьем (теперь его именуют то Нижним, то «водяным», а местные жители — Гончаровскими прудами). «В оном рыты разной величины шесть прудов, в которые вода протекает из реки Суходрев и обратно в оную вытекает. Онны пруды наполнены рыбою», — сообщается в «Деле об учинении дознания».

Обогнув главный, трехэтажный дом, вы спускаетесь к речке, переходите мостик, и перед вами пруды. Сразу видно, что они очень старые. Низкие берега скрыты сплошными зарослями ивняка, ветви свисают к самой воде, на которой здесь и там разместились целые колонии белых лилий — крошечные головки над широкими круглыми листьями.

Система соединенных между собой водоемов образует бесчисленные заливы, бухты. Причудливой линией извивается береговая полоса, вероятно, служившая в свое время великоллепным прогулочным маршрутом: с каждого мыса открывались все новые виды на пруды, их берега.

Известно, однако, что поэта больше всего привлекал третий, самый дальний парк, куда он надолго уходил по утрам и где, по преданию, у него была любимая поляна с беседкой.

Усадьба Гончаровых почти вся расположена на полуострове, образованном длинной петлей, которую делает тут Суходрев, и заметно возвышающемся над противоположным берегом. Ближнюю, у основания, часть полуострова занимали дом, фабрика, хозяйственные постройки и плодовый Большой сад, а крайнюю — пейзажный парк. В документе, который мы уже цитировали, о нем говорится так: «...В роще устроен на манер англичкаго с дорожками сад и по местам беседками на 12 десятинах».

Это краткое описание нуждается в пояснении. На оконечности полуострова, несколько расширяющейся, издавна росла роща. Прежде она служила зверинцем, в ней держали животных, предназначенных для охоты. Было тут стадо оленей, одно время сидели на цепи волки, лисицы. В самом начале XIX в. рощу совершенно переустроили в соответствии с принципами пейзажного, или, как говорили тогда, «новейшего», садового стиля. Она была превращена в живописнейший уголок, где «таинственная сень» чередовалась с веселыми полянками. В разных направлениях проложили тропинки. Ведя за собой гуляющего, они должны были показывать ему все новые прекрасные лесные картины (или «сцены», как их в то время называли). Они «подавались» с наиболее выигрышных точек, в продуманной последовательности.

Создатель парка, имени которого мы, к сожалению, не знаем, стремился, как требовало новое искусство, подражать живой природе, но с помощью определенных приемов придавая ей еще больше прелести, выразительности.

Парк опускается к дугу, который подковой охватывает его, отделяя от Суходрева, описывающего при оконечности полуострова плавную дугобразную линию. Дуг — это и при-

Полотняный
Завод.
Пилоны
Большого сада

проточной водой, поступающей из реки Суходрев, протекавшей рядом. В пруду водилась рыба. Возле, внутри «покоя» — регулярные посадки: и еловые и липовые аллеи. В куртинах, образуемых аллеями, были высажены, как это часто делалось в русских парках, плодовые деревья.

Сад был обнесен стеной. По углам высились двухэтажные беседки, тоже напоминающие «китайские». В сад вели четверо ворот, при одних построили караульню. Все было капитальное, каменное.

Приезжая в Полотняный Завод во второй раз, в конце лета 1834 г., Пушкин останав-

надлежность парка, служащая дополнением к его лесной части; и одновременно своего рода переход к окружающей природе — к речке в зарослях ивыняка, полям, лесам и перелескам на том берегу.

Связь с окрестностями — также требование пейзажного стиля — устанавливалась и благодаря раскрытию видов на реку, заречную сторону из наиболее удобных пунктов в парке, где были устроены упоминавшиеся уже беседки, одну из которых облюбовал Пушкин.

Тем и притягивал поэта дальний парк, что в нем он мог отдаваться умиротворяющему покою, тишине, обаянию среднерусской природы, которую так тонко чувствовал и воспел не раз.

Попробуем повторить маршрут, по которому Пушкин совершал свои утренние прогулки в августе 1834 года. Миновав островежные пилоны ворот Большого сада, он направлялся к одной из двух длинных аллей, которые ведут к роще через территорию, занятую плодовыми насаждениями. Левую, более широкую аллею, впоследствии названную Пушкинской, тогда именовали Екатерининской. Он шагал между двумя нескончаемыми, восьмисотметровыми шеренгами лип мимо предосеннего сада, отягченного плодами. Сейчас сада нет, на его месте поляны, которые быстро заполняются дикой порослью.

Но вот и парк-роща. Рощу мы тоже не увидим такой, какой ее знал поэт. Она давно запущена, заросла, да и «могучий поздний возраст» деревьев сильно изменил облик того парка, по которому 150 лет назад бродил поэт. Наверное, в парке у него были свои любимые уголки, и он посещал их, спускался вниз к Суходреву, чтобы по тропинке, огибающей рощу, пройти по свежему, росистому лугу, постоять над рекой, всматриваясь в медленное-медленное, едва приметное глазу течение.

Наконец, он поднимался к своей поляне с беседкой. Теперь тут, перед великолепными стройными соснами, ему установлен памятник. Есть и новая беседка, к сожалению, весьма ординарного вида, не похожая на прежнюю, которая выглядела романтично, состояла из пары двухэтажных башенок, соединенных переходом.

Возвращаться назад он мог или снова через Большой сад, или тропинкой, которая проходит чуть в стороне от него по открытой кромке холма, обрывающегося почти к самому Суходреву. Отсюда, с высоты, по мере движения перед глазами разворачивается серия чудесных видов. И лучший из них тот, где Суходрев, делая мягкий изгиб, выходит из-за прибрежных ив. Тихая река с ее зеркальной поверхностью кажется как бы впавленной в свое ложе и навсегда застывшей в нем.

Полотняный очаровал Пушкина. Это было место, куда поэт с радостью удалился бы от столичного шума и придворной суеты, которыми он так тяготился в последние годы жизни. Он писал жене: «...Кабы заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили московским калачом!».

* * *

Название Белкино пока мало говорит любителям старины, а между тем у этой усадьбы под Обнинском интересное прошлое. Владельцы ее один знаменитее другого: Малюта Скуратов, Борис Годунов, Нагие, князя Долго-

рукие, граф И. И. Воронцов — из семьи, давшей России двух канцлеров и княгиню Е. Р. Дашкову, богатый вельможа (брат которого М. И. Воронцов был в числе тех, кто ноябрьской ночью 1741 года возводил на престол Елизавету Петровну, чем и объясняется в первую очередь возвышение рода). Затем Д. П. Бутурлин — образованнейший, ученейший человек, собравший две прекрасные библиотеки.

При последних хозяевах Белкина — Обнинских — усадьбу посещали и работали в ней многие замечательные художники, которых покоряла красота здешних мест:

Троицкое. Въездные ворота

И. И. Левитан, В. Д. Поленов, В. А. Серов, И. Э. Грабарь, М. Ф. Ларионов, П. П. Кончаловский. Два месяца прожил в Белкине поэт В. Я. Брюсов, бывал композитор и пианист Н. К. Метнер.

Усадебный комплекс, очень запущенный сейчас, был создан в 1780-х гг. И. И. Воронцовым: построены каменные дом, флигели, хозяйственные здания, разбит парк. Несколько раньше возведена церковь.

В тот период садовое искусство переживало переломный момент: на смену регулярному стилю приходил пейзажный. В усадьбе имеются образцы парков обоих стилей.

Рядом с домом раскинулся регулярный липовый сад. Он низкими широкими террасами опускается к большому пруду. Перед самым домом лежала прямоугольная площадка с огромным вязом посередине, посаженным, по преданию, Борисом Годуновым и погибшим еще в прошлом веке. Вяз служил композиционным центром парка и всего усадебного ансамбля в целом. От площадки по главной оси симметрии усадьбы спускалась к пруду центральная аллея. Вправо и влево отходили другие, образуя в плане геометрический рисунок. Кронам деревьев, кустарникам придавалась правильная форма с помощью стрижки (которая, очевидно, не затрагивала вяза, до

Троицкое. Протва возле усадьбы
Стр. 88 — 89.

вершины его ножницам садовников было просто не дотянуться).

Парк выглядел торжественным, парадным, но, по-видимому, носил черты незавершенности. Это объясняется тем, что И. И. Воронцов постоянно не жил в Белкине, а приезжал сюда лишь ненадолго, главным образом осенью, на охоту.

В «Записках» М. Д. Бутурлина, который оставил подробное описание усадьбы в начале XIX в., говорится, что парк был построен «а ля Луи XIV», то есть в духе версальского, которому в период увлечения регулярным сти-

Городня.
Усадьбный дом

лем нередко старались подражать. В России тоже имелись «маленькие Версали».

Что же при всей разнице в масштабах громадного пышного парка в прославленной резиденции французских королей и сравнительно небольшого сада в среднерусской усадьбе роднит Белкино с Версалем? Некоторые общие принципы, которые лежат в основе архитектуры обоих парков.

Во-первых, подобно Версалю, белкинский парк построен в виде террас, полого понижающихся к водоему. Во-вторых, версальский парк славится необыкновенной красотой своих увлекających взор перспектив. Их называют «волшебными грезами Версаля». Строители регулярного сада в Белкине также имели в виду создание перспектив. От площадки с вязом взгляд скользит вдоль удаляющейся вниз к пруду аллеи, как бы углубляемой еще уступами террас. В ее просвете серебрилась гладь пруда, замыкаемая противоположным берегом с домами деревни, и, наконец, вдали виднелись поля, каемка леса. Таким образом, в обоих случаях использовался прием создания глубоких перспектив в сочетании с террасами. Последние играют очень важную роль: с каждой из них вид предстает по-иному.

Но если перспективы Версаля, так сказать, внутренние, в пределах парка, и это расположенные на трехкилометровой оси (вдоль главной перспективы) элементы его роскошного убранства: террасы с фонтанами, скульптурой, «зеленый ковер», Большой канал и в самом конце силуэты топей «Королевской решетки», то в Белкине не очень длинная аллея и водоем получали продолжение в виде открывающегося за ними милого среднерусского пейзажа. (Сейчас он уже заслонен новыми кварталами Обнинска.)

В белкинском парке имелаась довольно сложная водная система, состоявшая из цепочки каскадных прудов, которые спускаются к нижнему большому пруду. Своих исследователей ждет запрудная, очень заросшая пейзажная часть парка. По всей вероятности, она была построена в виде переходящих одна в другую полян, разделенных посадками, с умелым подбором деревьев и кустарников.

* * *

Сравним Белкино с другим регулярным парком — в Грабцево, расположенном рядом с Кадугой, почти в черте города. Усадьбой владел небезызвестный усмиритель Московского чумного бунта 1771 г. П. Д. Еропкин. Позади дома, построенного на месте сгоревшего еропкинского, который был деревянным, на ровной, с едва приметным уклоном площадке разместился липовый парк. Он сохранил в основном схему аллей. В плане парк представляет собой прямоугольник. Через него от дома в сторону пруда, который ограничивал парк с противоположной стороны, проходит широкая центральная аллея. Ее в середине пересекают поперечная и две проведенные по диагонали, крест-накрест. Такую же точно схему имеет каждый из четырех малых прямоугольников, из которых состоит большой прямоугольник парка и которые образованы двумя его главными пересекающимися магистралями. В пунктах, где сходятся аллеи, еще можно проследить расширения — остатки бывших тут «зеленых зал».

Парк был стриженный. Его аллеи, «залы» с аккуратно выравненными стенами зелени, в которых могли быть еще вырезаны входы, ведущие во внутренние кабинеты, боскеты, напоминали улицы, площади, дома некоего «лиственного города».

Это более распространенный тип регулярного парка, чем Белкино, и более ординарный. Архитектура его весьма обычна для той поры и довольно заунывна, его не оживляли ни террасы, ни внешние виды, которые были закрыты окружающей парк оградой.

Впоследствии, когда регулярный стиль перестал удовлетворять потребностям общества, уже захваченного идеями Просвещения, такие парки особенно подвергались критике за их однообразие, прискучившую симметрию планировки, за насилие над живой природой, которая втискивалась в сухие геометрические схемы, уродовалась ножницами садовников.

Но так было уже позднее. А прежде они покоряли именно «правильностью», упорядоченностью, строгой соразмерностью частей — тем, что требовал вкус иной, более ранней эпохи, воспитанный философией рационализма, которая господствовала в период расцвета регулярного стиля.

* * *

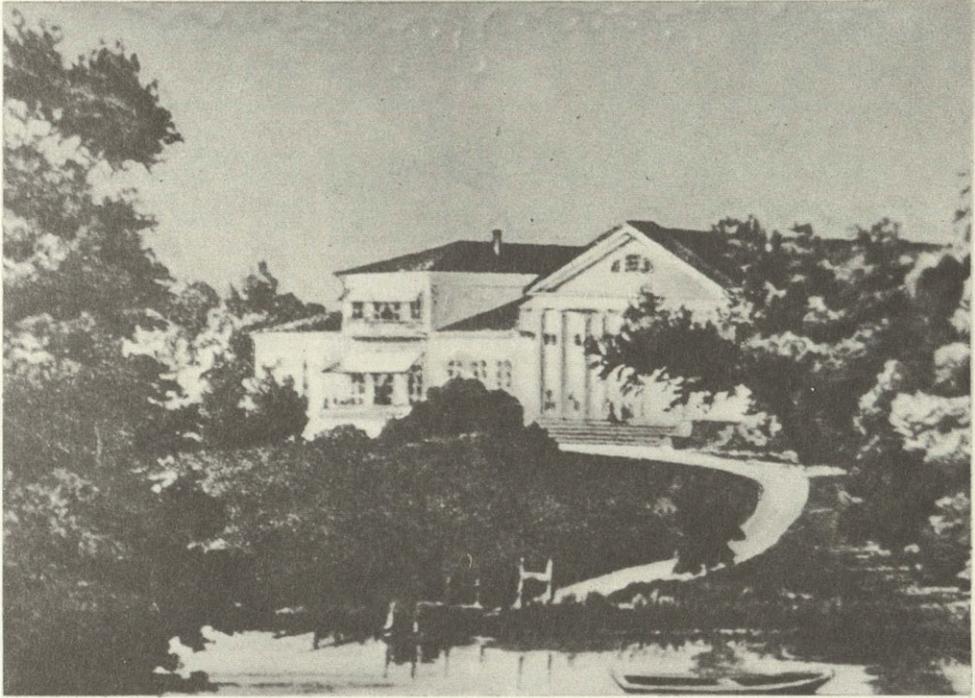
Мы уже говорили о зрительной связи парков с окружающим пейзажем. Многие калужские — как и вообще русские — помещичьи усадьбы ставились на высоких берегах рек. Прибрежные ландшафты, почти всегда живописные, бесконечно разнообразные, предоставляли строителям парков большие возможности. Максимально использовать красивые окрестные виды, так сказать, «включать» их в парк очень рекомендовали тогдашние теоретики ландшафтной архитектуры, и в частности известный русский ученый, просветитель,

столетия, придав ей черты ампира. Парк, как считают, разбил Д. М. Полторацкий.

Усадьба разместилась на высоком берегу Оки и его скате, завершающемся обрывом к реке. Наверху стоят дом в стиле поздней псевдоготики, флигель, церковь и часть парка со свободной планировкой. В нем липа, ясень, другие породы. Ниже проходит цепочка длинных узких прудов. По берегам стояли когда-то купальни, беседки. Имелся даже маленький паром, переправляться на котором было, вероятно, любимым развлечением хозяев и гостей усадьбы.

Наиболее примечательна самая нижняя

Авчурино.
Старый дом
и пруд.
С акварели
Ш. Ребу. 1846 г.

строитель парков и пропагандист садового искусства А. Т. Болотов.

Ока под Калугой, здесь, в верхнем своем течении, еще не успевшая раздаться вширь, катит воды в глубокой красивой долине. Ее склоны, то круто вздымающиеся, то отлогие, покрытые местами великолепным ковром сосняка, неширокая лента реки, дали, размытые дымкой, — все это создает впечатление маленькой горной страны, местной Швейцарии. Умело раскрытые виды и являются едва ли не главным секретом обаяния парков на Оке.

Одна из интересных усадеб — Авчурино. С конца XVIII в. по начало XX она принадлежала Полторацким. Первый владелец, Дмитрий Маркович, прославился как передовой сельский хозяин, агроном. Его сын Сергей Дмитриевич был известным библиофилом и библиографом, обладателем одной из крупнейших библиотек в России (она вошла потом в фонды Румянцевского музея). С. Д. Полторацкий имел широкие связи с деятелями русской культуры, находился в приятельских отношениях с А. С. Пушкиным.

В создании усадьбы принимал участие видный архитектор В. П. Стасов, который перестроил авчуринскую церковь начала XVIII

часть парка — обширная лужайка, стекающая к обрыву и разделенная надвое сейчас полосой кустарника. Едва вы вступаете на лужайку, ваш взгляд приковывает пейзаж противоположного берега Оки: луг над рекой, выше поле, отделенное цепочкой рошиц и перелесков, слева надвинулся темный массив хвойного бора, скрывающегося за мягкой линией горизонта. Можно долго любоваться этой простой и величавой картиной, которую вы не выпускаете из глаз все время, пока гуляете по лужайке, и которая постоянно видоизменяется, когда вы поворачиваете направо или налево или спускаетесь к обрыву. Вот главное свойство лужайки: благодаря своему уклону она вся обращена вовне, к реке и представляет собой, по существу, большую смотровую площадку, устроенную самой природой. Это и было, очевидно, подмечено и умело использовано создателями авчуринского парка.

На другой стороне Оки, чуть пониже Авчурина, находятся остатки усадьбы Ахлебинино. Тут берег почти отвесный, и усадьба с парком располагались по его кромке, где сохранились фундамент большого дома, флигель, пруды, поредевшие аллеи.

А в склоне перед домом были сделаны

круто понижающиеся террасы. Разросшийся кустарник уже почти закрыл их подпорные стенки, выложенные из массивных каменных блоков. В одной из стенок находим полукруглую нишу, указывающую на то, что здесь, по-видимому, был устроен грот с каким-нибудь водяным украшением, скорее всего, фонтаном. На террасах были, вероятно, разбиты цветники. С каждой открывался изумительный вид на Оку и панораму левого берега. Вдали виднелась башня «готического» дома в Авчурине (сейчас обзору мешают заросли кустарника).

Перед нами как бы образец классического итальянского сада. В Италии еще в эпоху

стал склон холма на другой стороне с полями и рощами и напротив стояло лишь село Ромоданово с силуэтом классической колокольни. Теперь заокская сторона смотрится по-другому. Это уже один из районов города с развивающейся многоэтажной застройкой, совершенно меняющей пейзаж.

Другой калужский парк — имени К. Э. Циолковского, рядом с теперешним Музеем космоса, бывший Загородный сад, построенный в летней резиденции наместника, которая была создана в 1782 г., по-видимому, по проекту городского архитектора П. Р. Никитина. Парк расположен почти над долинами Оки и небольшой речки Яченки, впадавшей в

Авчурино.
Вид из парка

Церковь в селе
Брынь

Авчурино.
Библиотека
в готическом
доме.
С акварели
Ш. Ребу. 1846 г.

Разрушающийся
дворец
Павлицева Бора

Ренессанса создали тип сада на горных склонах — в несколько ярусов, соединенных лестницами, с гротами, фонтанами. Но откуда он взялся в этом уголке Центральной России? Существует версия, что владелец усадьбы — фабрикант Кюншин — некоторое время провел в Италии, там встретил и полюбил свою будущую жену и, вернувшись домой, построил для нее на окском берегу парк, который должен был служить напоминанием о прекрасных днях их жизни.

Еще об одном парке над Окой — калужском городском, возле бывших Присутственных мест. По своему происхождению это созданный в XVIII в. регулярный сад и некоторые более поздние насаждения. Сохранилась симметричная планировка, аллеи старых лип, посадки лиственницы 1880-х гг. и другие. Украшает парк небольшой фонтанчик с комичной фигуркой девочки, спасающейся от дождя. Прогулки по парку обычно завершаются посещением видовой площадки в конце его, над самой крутизной горы, возвышающейся над окским берегом. Когда-то взгляду пред-

нее неподалеку. Сейчас долина Яченки затоплена водохранилищем. Но остался прекрасный вид на сосновый бор. Сам парк — регулярный, его планировка отличается изяществом и какой-то особенной соразмерностью частей.

В центре, на скрещении главных аллей, в 1930-х гг. был установлен обелиск над могилой похороненного здесь прославленного калужанина К. Э. Циолковского. Парк связан и с именем Н. В. Гоголя, который дважды посещал А. О. Россет, жену калужского губернатора Н. М. Смирнова, и жил во флигеле на территории Загородного сада. Место это отмечено небольшим памятником.

Нельзя хотя бы коротко не рассказать о некоторых других парках. В краеведческой литературе часто упоминается принадлежавшая князьям Голицыным усадьба Городня под Калугой. Здесь два парка: регулярный, называвшийся Рощей, и пейзажный, создание которого, как и дома, приписывают А. Н. Воронихину. Второй парк спускается от дома по откосу холма. Сейчас он почти весь превратился в непроходимые заросли. Однако сохра-

нились литографии С. Лукина начала XIX в., которые позволяют судить о том, как хорош он был в то время. Середину его занимали поляны, прерываемые рядами живописных посадок. Серебрились зеркала прудов. А наверху поднимался из зелени строгий, почти лишенный украшений небольшой двухэтажный дом.

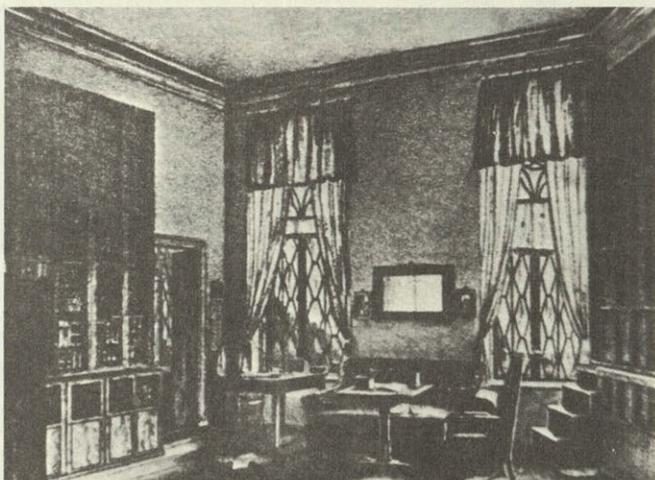
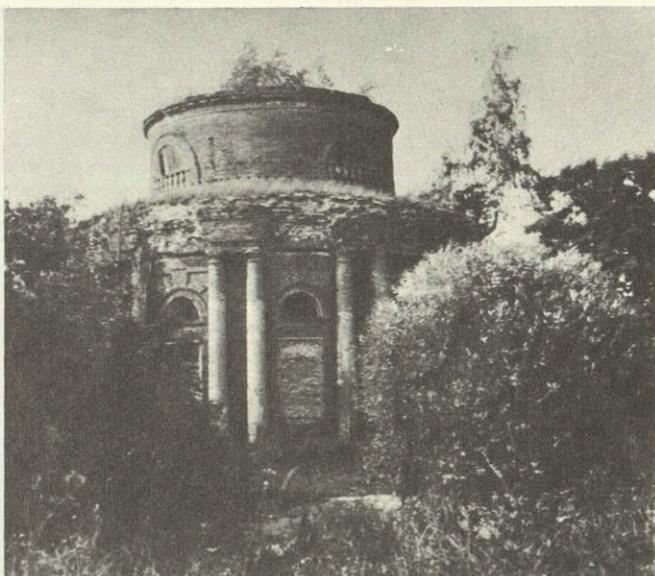
...Километрах в двенадцати к югу от Козельска стояла большая усадьба Березичи, которой владели князья Оболенские. Усадьба сильно пострадала, но парк сохранился. Его отличает интересная архитектура. Обширное пространство перед домом обведено дугообразной аллеей. Она составлена из двух пород, высаженных попеременно: лип и лиственниц, что придает ей немало своеобразия. Позади дома — невысокая терраса с подпорной стенкой, от которой начинается покатая поляна, очень красивая. Видно, что она сделана с большим мастерством, умелым использованием «зеленой палитры», в которую входят липы, березы, ивы, сосны, ели. Одна ель удачно помещена в центре поляны. От ее нижнего края в просветах между соснами и березами видна Жиздра и за ней село Березичи, в котором выделяется здание шатрового храма.

Неизвестно, когда был создан парк, но можно предположить, что свой окончательный вид он получил в конце прошлого или начале нынешнего века, когда Оболенские соорудили теперешний дом и, вероятно, переустроили усадьбу.

...Архивы и литература, к сожалению, дают крайне мало достоверных сведений о создателях помещичьих парков Калужского края (как и вообще русских усадебных парков). Памятники садового искусства в огромном большинстве анонимны. Но об одном из них нам точно известно, кто был его архитектором, руководителем и производителем всех садовых работ. Речь идет о парке в Троицком на реке Протве на территории теперешнего Жуковского района — бывшем имении княгини Екатерины Романовны Дашковой. «Здесь не было ни одного дерева, ни одного куста, посаженного если не моей собственной рукой, то под моим непосредственным надзором и указанием», — пишет она в своих «Записках». Известно, что Дашкова занималась парком и в имении своего брата.

Увлечение садовым искусством, считавшимся существенной отраслью «сельского домоводства», было тогда очень распространено среди дворянства, особенно более образованного, и по части строительства парков оно обладало достаточными познаниями. Над их распространением, повышением, как мы сказали бы сейчас, ландшафтной культуры в русском обществе трудились такие просветители, как А. Т. Болотов, который на протяжении более чем десятка лет печатал в журналах «Сельский житель» и «Экономический магазин» собственные и переводные материалы по теории и практике парковой архитектуры, писатель Н. П. Осипов, автор ряда трудов по садоводству, и другие. Так что владельцы многих усадеб могли сами построить и строили парки у себя в имениях.

...От усадьбы Е. Р. Дашковой в Троицком остались хозяйственные здания, церковь, вблизи которой она похоронена, величественные, напоминающие античные, вездные ворота, обелиск (происхождение которого не вполне

Белкино. Пруд

не ясно) и уголок парка с поляной и видами на Протву, дуга по ту сторону реки.

Можно назвать немало старых парков Калужского края: Павлицев Бор в Юхновском районе, Кольцово в Ферзиковском, Городской парк в Козельске, Брынский в Думиничском, Ильинский в Тарусском районе. Перечень еще живых (но, конечно, различной степени сохранности) памятников садового искусства занял бы много места. Всего в Калужской области их несколько десятков.

* * *

Не хочется, чтобы наш рассказ о старинных калужских усадьбах и их парках прозвучал как реквием по невозвратно уходящей красоте. К сожалению, судьба усадеб рождает серьезную тревогу. Почти все они в плохом состоянии и, по существу, постепенно сходят на нет.

Печальное зрелище являет расколовшееся

на четыре части здание белкинского дома. Пришли в запустение церковь, каменные службы... Чернеет провалами окон остов сгоревшего двадцать лет назад, да так и не восстановленного дома Оболенских в Березичах. Быстро разрушается и уже пришел в аварийное состояние дворец Павлицева Бора — эффектное сооружение наподобие роскошной итальянской виллы. А сколько утрачено навсегда! Усадебные дома в Троицком, Кольцово, Ахлебинине...

Особенно щемящее чувство вызывают гибнущие парки, большей частью давно оставленные без присмотра и ухода. Отмирают вековые деревья, пришли в негодность водные системы, отчего пруды во многих случаях высохли или превратились в грязные лужи. Нередко райские уголки стоят одичалые, неприютные.

И губят парки порой совершенно безжалостно. Например, начинают застраивать их

территории. Смотришь, возле старых деревьев появляются домики «индивидуального сектора», с сарайчиками, огородами, уборными, — как это случилось в Белкине, Полотняном Заводе, Ахлебине, или всякого рода служебные здания, как в Березичах, где в бывшей усадьбе размещена сейчас вспомогательная школа-интернат. Невдомек, что парк — памятник прошлого, произведение искусства!

Диву даешься, глядя на то, с каким бессмысленным варварством жители и местные власти портят иной парк, лишая прежде всего самих себя лучшего оазиса для отдыха. Рядом с липовым парком Роца в Городне построили скотные дворы животноводческого комплекса. К сладкому аромату цветущих лип теперь примешивается иной запах. С другой стороны к парку вплотную примыкает колхозный хозяйственный двор.

Мы уже не говорим про тот непоправимый ущерб, который наносит паркам исчезновение естественного пейзажа вокруг них — нередко в результате бездумного строительства.

Произведения благородного искусства, старые парки должны еще жить и жить и служить нам. Их надо сохранять, приводить в порядок, восстанавливать. Стараниями реставраторов возрождены и возрождаются многие старые парки: в пригородах Ленинграда, в Москве, в ряде мемориальных усадеб: некраповской Карабихе, тургеневском Спасском-Лутвинове, пушкинских местах. Ведутся реставрационные работы и в Полотняном Заводе, так что можно надеяться, со временем будет восстановлен и его парк. (К сожалению, восстановление усадеб ведется черепашим шагом, затянuloсь на десятки лет.)

Однако реставрация требует огромного труда и длительных сроков, а реставрационных организаций пока недостаточно. Организаций же, проектирующих и осуществляющих восстановление памятников садового искусства, вообще очень мало. Занимаются они, как правило, парками с мировыми именами или имеющими важное мемориальное значение. Минут многие годы, пока дойдет очередь до «второстепенных» усадеб и парков, и что от них останется к тому времени?!

Тут вся надежда на местную общественность: интеллигенцию, пенсионеров, молодежь, на тех, кому небезразлична судьба отечественной культуры. Только от них, энтузиастов, способных пожертвовать ради этого своим временем, силами, зависит сейчас спасение памятников садового искусства (да во многих случаях и других, конечно). Речь вот о чем: пора общественности, не дожидаясь нескорого еще прихода реставрационных организаций, самой, собственными силами принимать меры к тому, чтобы хотя бы остановить процесс гибели усадеб.

Что конкретно могут на первых порах сделать энтузиасты, не подменяя собой реставраторов, не входя в сложные специальные стороны дела, в которых «простые смертные» некомпетентны? Организовать действенную охрану усадебных комплексов и парковых насаждений от дальнейшего разорения, оберегать их территории от всякого рода вторжений. Препятствовать проведению в опасной близости от них крупных земляных, строительных работ, способных, например, нарушить гидрологический режим, что может повести к понижению грунтовых вод, а значит,

опасности высыхания деревьев. (Следует помнить, что старый парк нередко представляет собой целый экологический комплекс, сложный и хрупкий, требующий крайне бережного обращения.)

С помощью лесоводов (из ближайшего лесхоза) подлечить большие деревья, убрать сорную растительность, что-то посадить на место погибших насаждений. Мелиораторы могли бы помочь привести в порядок пруды. Надо позаботиться о том, чтобы прекратились разрушения и порча усадебных построек. Затем посоветоваться с архитекторами, искусствоведами, специалистами по ландшафтной архитектуре и подумать о дальнейших путях восстановления и использования усадеб. Подчеркиваем: участие специалистов необходимо, иначе можно легко причинить непоправимый вред. Действовать, конечно, не в отрыве от органов ВООПИиК, Общества охраны природы, Фонда культуры, обязанности которых поддерживать такие начинания, оказывать материальную, методическую, иную помощь. Так представляется нам работа по спасению усадебных памятников культуры.

И следующий немаловажный момент: создание определенной нравственной атмосферы вокруг каждого памятника, будь то усадьба, парк или что-либо иное. Надо, чтобы местные жители, подрастающее поколение хорошо знали его прошлое, прониклись пониманием его значения, художественной, исторической ценности. Поэтому важно поощрять деятельность местных краеведов (которые, кстати, не везде окружены должным вниманием), помогать им организовать музейные экспозиции, вести пропаганду истории городов и сел, для чего, конечно, прежде всего предоставить возможность шире публиковать свои материалы.

...Соседи калужан, жители Богородицка Тульской области, поднятые группой энтузиастов, при содействии московских специалистов (которые взяли помочь на общественных началах), спасли от гибели, казалось бы, совсем уже обреченную усадьбу XVIII столетия. Они подняли из руин дворец, обнесли оградой парк, высадили заново его вырубленную часть.

А среди калужан разве мало патриотов своего края?!

Мы обращаемся прежде всего к молодому поколению. Студенты, рабочая, художественная молодежь областного центра, наверное, могли бы проявить заботу хотя бы о близлежащих пригородных усадьбах и совместно с тамошней общественностью взяться за приведение их в порядок. Кстати, в Калуге уже действует молодежный клуб «Добрая воля», который участвует в реставрации, приведении в порядок некоторых памятников, в том числе городского парка, причем вносит в свою работу хозрасчетные начала. Жителям Обнинска вполне по силам восстановление Белкина.

Нужны инициативные группы, нужна разъяснительная работа, нужно бросить клич, и доброе дело, несомненно, найдет отклик.

Недавно стало известно, что нештотная угроза нависла над Полотняным Заводом. Московское объединение «Моснерудпром» намерено расширить добычу камня в близком соседстве с усадьбой, причем карьер намечается создавать против Пушкинской поляны. Отсюда теперь будет открываться вид на изуродованную землю, а парк станут сотрясать взрывы.